

Институт славяноведения
Российской академии наук

Исследования
по славянской диалектологии

25

Москва • 2025

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот, С. В. Дьяченко, Д. Н. Гальцова,
А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, С. В. Князев, А. Б. Коконова, И. А. Марченко,
А. В. Малышева, Н. И. Муравлева, С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Р. М. Ронько,
М. Н. Саенко, Сладжана М. Цукут, Т. В. Шалаева*

Редакция:

д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. Д. Ю. Ващенко, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко

Рецензенты:

к.ф.н. Е. В. Колесникова, к.ф.н. М. В. Ясинская

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. — 456 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 25) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXV Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 4–5 июня 2024 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 4–5th, 2025 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists — specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0529-6
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

Содержание

<i>С. Л. Николаев.</i> К акцентуации праславянских <i>о-</i> и <i>и-</i> основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах.....	5
<i>Сладжана М. Цукут.</i> Статус переноса ударения на проклитики в северо-западных сербских говорах	149
<i>С. В. Князев.</i> Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон	178
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие	207
<i>И. А. Марченко, Р. В. Ронько.</i> Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования	236
<i>А. В. Мальшева.</i> Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья	260
<i>М. Н. Толстая.</i> Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая	282
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном русско-сербохорватском лексическом соответствии с корнем <i>хор-</i>	302
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами	305
<i>Т. В. Шалаева.</i> Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)	316
<i>А. Б. Коконова.</i> Лексема <i>КИРПИЧ</i> и производные от нее в севернорусских говорах	326
<i>Д. Н. Гальцова.</i> Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах	334
<i>А. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 14. СРНГ, <i>С</i>	345
<i>А. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 15. СРНГ, <i>Т</i>	372

<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко. Украинские тексты из села Юдино Воронежской области (по данным экспедиции 2024 г.)</i>	407
<i>Н. И. Муравлева. Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево</i>	426
<i>Г. П. Пилипенко. Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)</i>	442

А. В. Малышева
(Москва)

Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья

В статье анализируется вариативность прилагольных родительного и винительного падежей на материале западного среднерусского окающего говора Ильменского Поозерья (Новгородский район Новгородской области). Приводится общая статистика соотношения генитива и аккузатива при отрицании в исследованных на данный момент диалектных корпусах, согласно которой выделяются севернорусские и юго-западнорусские говоры, где генитив сохраняется более устойчиво. На поозерском материале проиллюстрировано употребление форм объекта в конструкциях без отрицания и с отрицанием.

Ключевые слова: северо-западные русские говоры, генитив, аккузатив, отрицание, дифференцированное маркирование аргументов

1. Введение. Настоящая статья продолжает серию работ, посвященных рассмотрению вариативности родительного и винительного падежей при отрицании в ареальном и лингвогеографическом аспекте [Сержант 2014; Аркадьев 2017; Малышева, Ронько 2020].

Утрата генитива и экспансия аккузатива в отрицательной конструкции наблюдается на всей территории распространения русского языка и его территориальных диалектов, однако ни в одном говоре, как и в литературном языке, этот процесс до конца не завершен. При этом скорость вытеснения генитива аккузативом неодинакова на разных территориях [Малышева, Ронько 2020]. Имеющиеся на данный момент сведения позволяют предположить, что родительный при отрицании более устойчив в тех говорах, где шире, чем в литературном языке, употребляется объектный генитив в неотрицательных конструкциях, например генитив конкретно-предметных существительных: *купить топора, посмотреть города, сплести венка, беру серпа*. Это явление наблюдается на территории северных говоров — онежских, архангельских, кировских, вологодских [Кузьмина 1993: 28–39; Гецова 1997; Маркова 2008; Малышева 2018], частично — в примыкающих к ним среднерусских (новгородских и владимирско-поволжских), а также в части юго-западных говоров, по-

граничных с белорусскими и украинскими [Кузьмина 1993: 28–39; Расторгуев 1927, 1960; см. также: АУМ, 1, карта 278; ДАБМ, карта 211, ДАБМ-к: 756–757]. Точные границы этих генитивных ареалов до конца не установлены.

Л. Е. Лопатина на материале трех восточнославянских языков проанализировала употребление РП и ВП в конструкциях типа укр. *уз 'аў н'іж, уз 'аў ножá*, бел. *дай нож, дай нажá, знайшоў грыба*, рус. *одолжи ножá* (так наз. «родительный временного пользования») и составила карту [Лопатина 1998]. На сайте проекта «Банк диалектологических карт» [БДК] опубликован оцифрованный вариант этой карты, на которой виден ареал более частотного употребления генитива в юго-западной части белорусских и северо-западной части украинских говоров (примечательно, что этот ареал не контактирует с говорами белорусско-украинско-русского пограничья, где также отмечены конструкции с объектным РП). Кроме того, что не менее важно, обнаруживается наличие обширной территории на юго-востоке распространения русских говоров, где отмечены только конструкции с ВП, см. Карту 1. Не исключено, разумеется, что это связано с недостатком материала, однако наши исследования аккузатива и генитива при отрицании подтверждают наличие аккузативного центра на юго-востоке [Малышева, Ронько 2020].

Вариативность аккузатива и генитива при отрицании в русских говорах изучается на материале расшифровок экспедиционных записей последних двадцати лет, баз данных и электронных корпусов. При работе с корпусами используется простой поиск по лексеме *не*, далее производится ручная выборка примеров с прямым объектом в форме РП или ВП.

Конструкции с отрицанием в СРЛЯ достаточно хорошо описаны, при этом анализируется множество параметров, которые регулируют выбор падежа: вид и семантика глагола, грамматические характеристики имени, референциальный статус именной группы, фигура наблюдателя и др. [Ицкович 1982; Мустайоки, Хайно 1991; Partee, Borschev 2004; Рахилина 2008; Падучева 2013 и др.]. При работе с диалектными корпусами были выделены следующие наиболее значимые факторы, которые обуславливают предпочтение генитива: возможность количественной интерпретации (*не дали денег*), сочетания с интенциональными (модально-эмоциональными) глаголами *хотеть*, *ждать*, *бояться* и др. (*не ждали поезда*), усиление отрицания (*никаких песен не помню*), устойчивые сочетания (*не говоря художого слова*); сочетания глагола *иметь* и абстрактного существи-

Карта. Родительный падеж в функции прямого объекта

- 1. употребление род. п. и вин. п. в конструкциях типа укр. уз'аў н'іж, уз'аў ножа́, бел. дай нож, дай нажа́
- 2. преимущественное употребление род. п. в конструкциях типа укр. уз'аў ножа́, бел. знайшоў грэ́ба
- 3. в отдельных пунктах отмечены конструкции типа рус. одолжи ножа́ (при совместном употреблении конструкций с вин. п.)
- 4. отмечены конструкции только с вин. п.

Карта 1. Родительный падеж в функции прямого объекта
[Лопатина 1998; БДК]

тельного (*не иметь права*), сочетания глаголов знания и восприятия с анафорическими местоимениями (*этого не знаю*). Предпочтение аккузатива обуславливают: дистантная инфинитивная конструкция, когда отрицание не относится непосредственно к управляющему слову (*не могу завязать платок*); референтное имя в роли объекта (*бабушку не помню; не читал эти книги*), обзор литературы см.: [Малышева, Ронько 2020]. Им противопоставлены не осложненные сильными аккузативными или генитивными факторами, нейтральные контексты: *не пекла хлеба – не пекла хлеб*, где выбор формы объекта обусловлен другими причинами. И нейтральные, и осложненные контексты включаются в общую статистику.

Далее будет рассмотрена статистика вариативности РП и ВП при отрицании по имеющимся в нашем распоряжении собраниям диалектных текстов (раздел 2) и приведены данные говора Ильменского Поозерья (раздел 3). Поозерский материал иллюстрируют несколько более широкое, чем в литературном языке, употребление на этой территории генитива в неотрицательных конструкциях (раздел 3.1), что коррелирует с достаточно высоким процентом генитива при отрицании (раздел 3.2).

2. Общая статистика соотношения генитивных и аккузативных форм в диалектных корпусах

К настоящему времени обследовано 22 электронных корпуса, размещенных на сайте Международной лаборатории языковой конвергенции НИИ ВШЭ (<http://lingconlab.ru/>), и база данных говора с. Пустоша Шатурского района Московской области [Пустоша]. Были использованы также неопубликованные расшифровки аудиозаписей говоров с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области (2012–2015 гг., 80000 словоформ), с. Татарово Муромского района Владимирской области (2013 г., 14300 словоформ), Юрьевецкого и Лухского районов Ивановской области (2015 г., 44000 словоформ); с. Летошники Жуковского района Брянской области (2016 г., 27000 словоформ).

С точки зрения территориальной принадлежности исследованные говоры можно разделить на следующие группы (характеристика говоров дается в соответствии с диалектным членением, предложенным в [Захарова, Орлова 1970]).

1) Севернорусские архангельские: корпус говора Средней Пёзы [Средняя Пёза], с. Кеба [Кеба], Верхней Пинеги и Выи [Верхняя Пинега], Средней Пинеги [Средняя Пинега], с. Церковное [Церков-

ное], Устьянский корпус [Устьянский], д. Веегора [Веегора], среднего течения Северной Двины [Северная Двина].

2) Среднерусские северо-западные корпуса: селигероторжковский — Лужниковского сельского поселения [Лужниково], псковские — опочецких говоров [Опочка] и деревень Шетнево и Макеево [Шетнево], новгородский — корпус говоров Ильменского Поозерья [Ильмень].

3) Северо-восточные и восточные среднерусские: костромской — Мантуровского района Костромской области [Мантурово], владимирско-поволжские — корпус ивановских говоров низовьев рек Лух и Теза [Лух, Теза], расшифровки записей Юрьевецкого района Ивановской области (рукопись), расшифровки записей из с. Татарово Муромского района Владимирской области (рукопись), подмосковный окаяющий говор с. Пустоша [Пустоша].

4) Юго-западные: говор Западной группы — Хиславичского района Смоленской области [Хиславичи], калужский межзональный типа А — говора деревни Нехочи [Нехочи], брянский Верхне-Деснинский — с. Летошники Жуковского района Брянской области (рукопись); русско-белорусский пограничный говор с. Спиридонова Буда Злынковского района Брянской области [Спиридонова Буда].

5) Юго-восточные: говоры Восточной (Рязанской) группы — корпус рязанских говоров окрестностей Михайлова [Михайлов], тамбовских говоров с. Поповка [Поповка], липецких говоров с. Малинино [Малинино].

6) Южные межзональные: Оскольский — с. Роговатка [Роговатка], Ливно-Елецкий — сс. Свишни и Тростное [Свишни].

В зависимости от процентного соотношения аккузативных и генитивных форм условно выделяются две наиболее противопоставленные друг другу языковые системы: генитивная (генитивные формы составляют более 50%) и аккузативная (генитивные формы составляют менее 30%). Между ними находятся промежуточные типы с долей генитива от 30% до 40% и от 40% до 50%.

Аккузативные системы характеризуются общим относительно невысоким содержанием контекстов с генитивом, большинство этих контекстов содержат сильные генитивные факторы. В генитивных системах РП при отрицании используется более свободно, в частности, он широко употребляется в «нейтральных» контекстах, а также возможен в тех слу-

чаях, когда предпочтителен аккузатив (в конструкциях с дистантным отрицанием или референтными именами).

Следует отметить, что в литературном письменном языке, согласно исследованию [Krasovitsky et al., 2011], доля генитива составляет 51 %, аккузатива — 49 %, то есть по вышеприведенной классификации он относится к генитивному типу. Для современной устной речи носителей литературного языка нами были предприняты подсчеты по материалам устного корпуса НКРЯ (подкорпус «Устная непубличная речь», 622 контекста). Согласно этим подсчетам, доля генитива в устной непубличной речи составляет 32 %, аккузатива — 68 % (подробнее см.: [Малышева, Ронько 2020]), то есть это промежуточный тип, близкий к аккузативному. Полученные результаты подтверждают высказанную ранее мысль о том, что в живом языке вытеснение генитива аккузативом происходит быстрее, чем в кодифицированной письменной речи [Томсон 1902; Мустайоки 1985; van Helden 2008].

Общая статистика употребления форм родительного и винительного падежей при глаголе с отрицанием в обследованных диалектных источниках показана в Таблице 1 (данные расположены в порядке убывания «генитивности»). Эти данные позволяют увидеть, что к генитивному типу относятся почти все севернорусские архангельские говоры и два юго-западных — пограничный белорусско-русский говор Спиридоновой Буды и говор Нехочей (калужский межзональный типа А). К аккузативному типу относятся юго-восточные говоры Малинина и Поповки (Рязанская группа), а также осколький говор с. Роговатка и подмосковный с. Пустоша, которые имеют много языковых сходжений с говорами Рязанской группы. К аккузативному типу относится также селигеро-торжковский говор Лужниковского сельского поселения Вышневолоцкого р-на Тверской области, который имеет и другие общие черты с рязанскими говорами (например, здесь отмечено ассимилятивно-диссимилятивное яканье култуковского типа). Без объяснения пока остается рекордно низкий процент генитива в архангельском корпусе д. Кеба Лешуконского района Архангельской области на границе с Республикой Коми.

Говор Ильменского Поозерья, на материале которого будет проиллюстрировано влияние разных факторов на выбор формы объекта, относится к промежуточному типу, более близкому к генитивному, с долей генитива 42 %.

**Таблица 1. Процентное соотношение аккузатива и генитива
в русских говорах**

Источник	Область	РП	ВП	всего
доля генитива более 50 % (генитивный тип)				
Церковное	Архангельская	22 (79%)	6 (21%)	28
Северная Двина	Архангельская	85 (76%)	27 (24%)	112
Спиридонова Буда	Брянская	135 (73%)	51 (27%)	186
Веегора	Архангельская	93 (70%)	39 (30%)	132
Нехочи	Калужская	75 (65%)	40 (35%)	115
Верхняя Пинега	Архангельская	53 (61%)	33 (39%)	86
Устьянский	Архангельская	374 (58%)	267 (42%)	641
доля генитива 40–50 %				
Средняя Пёза	Архангельская	62 (48%)	68 (52%)	130
Юрьевец	Ивановская	28 (45%)	34 (55%)	62
Мантурово	Костромская	33 (44%)	42 (56%)	75
Ильмень	Новгородская	54 (42%)	74 (58%)	128
Шетнево	Тверская	32 (41%)	47 (59%)	79
Летошники	Брянская	18 (41%)	26 (59%)	44
доля генитива 30–40 %				
Свишни	Липецкая	11 (37%)	19 (63%)	30
Лух, Теза	Ивановская	66 (36%)	116 (64%)	182
Средняя Пинега	Архангельская	11 (34%)	21 (66%)	32
Опочка	Псковская	30 (34%)	57 (66%)	87
Хиславичи	Смоленская	114 (34%)	215 (66%)	329
Михайлов	Рязанская	12 (32%)	26 (68%)	38
Татарово	Владимирская	11 (32%)	23 (68%)	34
доля генитива менее 30 % (аккузативный тип)				
Пустоша	Московская	47 (27%)	144 (73%)	191
Роговатка	Белгородская	67 (26%)	194 (74%)	261
Лужниково	Тверская	18 (21%)	63 (79%)	81
Малинино	Липецкая	25 (20%)	103 (80%)	128
Поповка	Тамбовская	8 (19%)	34 (81%)	42
Кеба	Архангельская	14 (16%)	72 (84%)	86

3. Материал говоров Ильменского Поозерья

Ильменское Поозёрье — историческая область на северо-западном берегу озера Ильмень. В настоящее время она относится к Ракомскому и частично Борковскому сельским поселениям Новгородского муниципального района Новгородской области. Поозерье занимает небольшую территорию вдоль берега Ильменя от Юрьева монастыря до устья р. Веряжи (до д. Еруново), его западная граница проходит по р. Веряже. В Корпус говоров Ильменского Поозерья [Ильмень] вошли материалы экспедиций отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН 2019 и 2022 гг. Записи диалектной речи велись в деревнях Ракомского сельского поселения: Ильмень (старое название Самокража), Неронов Бор, Курицко, Хотяж, Козынево. Кроме того, в корпус включен материал, записанный в д. Финёв Луг, входящей в состав Тёсово-Нетыльского сельского поселения Новгородского муниципального района. Корпус составлен на основе записей речи 13 информантов от 1928 до 1958 г. р. и включает 128004 словоформы. Говор Поозерья относится к Новгородской группе западных среднерусских окающих говоров.

3.1. Генитив в неотрицательных контекстах

Употребление объектного генитива на месте аккумулятива в неотрицательных конструкциях на материале новгородских говоров подробно не описано. Некоторые примеры содержатся в монографии И. Б. Кузьминой, основанной на данных ДАРЯ и ОЛА [Кузьмина 1993: 28–39]. В этой работе выделяются контексты с родительным части (*налить молока*) и родительным временного пользования (*взять ножа*), в которых генитив обозначает объект, охваченный действием ограниченно, и контексты типа *купить топора*, в которых генитив называет объект, охваченный действием неограниченно [Кузьмина 1993: 29]; о возможности количественной интерпретации глагольного действия в сочетаниях типа *купить топора* см.: [Малышева 2018].

В корпусе Ильменского Поозерья большинство примеров объектного генитива не при отрицании, как и ожидается, представляют собой стандартную партитивную конструкцию. Партитивная конструкция (*налить молока*), свойственная СРЛЯ и всем русским говорам, накладывает на входящие в нее компоненты определенные ограничения. Существительное должно быть делимым, предикат — иметь определенные семантические и грамматические характеристики: называть действие, которое

может распространяться на часть объекта или некоторое количество объектов, и являться глаголом совершенного вида.

Приведу несколько примеров с глаголами разных семантических классов, которые содержат в своем значении количественный компонент и хорошо сочетаются с семантикой партитива.

Глаголы физического восприятия и передачи ('взять', 'дать', 'выпить' и др.):

- (1) Я говорю: «Вот я маленько тебе дам, а ты **возьми смертных** моих (денег, отложенных на похороны. — А. М.), а потом я вложу», — ему.
- (2) В городе денег много зарабатывают, в городе **купают картошки**.
- (3) Вот здесь они захотели беседку, у всех беседки, я говорю: «Ну нате, я вам **подарю денег**, делайте беседку».
- (4) Второй раз пошла к ортопеду — **шестьсот семьдесят. Написали** ('выписали') **лекарств**.
- (5) Чай горячий, садитесь, **пoneyте чайку-то**.

Глаголы перемещения объекта ('привезти', 'принести')

- (6) А мой мужик ездил туда: у кого там что сломится, кому **еды привезти**.
- (7) И раз там на какой-то праздник или раз в месяц должна эта артель **принести рыбы** в храм, в церковь.
- (8) Как-то пошла к соседу, **понёсла яблок**, а у него есть, а иду, там машина, женицина: продай!

Глаголы со значением 'положить, поместить куда-н.':

- (9) А вот **бросят мучки**, водички в эту... в квашню и поставят в тёплое место.
- (10) Как рыбник делали? Ну как. Корпус делаешь, **положишь капусту квашеной**, потом положишь рыбину, потом закроешь.
- (11) А приехали, и это, **сухарей** в карманы **вытрясли**, вот сестре, братикам двум, и приехали, вон сестрин дом там стоял.

Глаголы созидания, чаще с семантикой приготовления еды:

- (12) Баньку истопит, помоются, **шашлычков пожарят**.
- (13) А приду, надо под речку-то там ещё и **сварить картошечки** какой, я бы воды попила холодной с солью да.

Глаголы с количественными приставками (на-, по- и др.):

- (14) Вот, видите, **яблочек** я вам **наложила**.
- (15) Они натопят, **накачают воды**, намоют меня в бане.
- (16) А это знаете что, вот **печенья** себе **накуплю**, такое, такое.
- (17) Со светом такое безобразие. **Наставили счетчиков**.
- (18) **Грибков пособирают**.

В партитивной конструкции, особенно в контексте угощения, потчевания гостя, при глаголах с семантикой приготовления еды в русском языке возможен также генитив конкретно-предметного существительного. С формальной точки зрения существительные, выступающие в качестве объекта подобных сочетаний, являются исчисляемыми, но в составе сочетания они приобретают так называемое «вторичное вещественное значение» [Кузнецова 1960: 9]. Отдельный предмет здесь представляет целый класс предметов: «единственное число существительного конкретного является образом сплошного множества» [Там же], см. также: [Малышева 2008].

(19) *Возьми бубличка-то.*

(20) *Рыбника бы спекла бы вам. Рыбу-то? Сама ловлю.*

Ср. с отрицанием:

(21) *Не желаете вот огурчика свеженького? Только сорвано.*

Чем мельче объект, тем легче он мыслится в массе, в неопределенном количестве: можно сказать *купил книг, стаканов* (книги, стаканы в некотором количестве), но плохо **купил квартир, машин*. В корпусе Ильменского Поозерья содержится пример генитива предметного существительного в форме мн. ч. (22). Нестандартность этого контекста обусловлена тем, что обычно лесовозы не мыслятся в неопределенном количестве (ср. в материалах И. Б. Кузьминой: *да вместо оружия икон на фронт-то подбрасывали* Мышкино Пестовск. Новг. [Кузьмина 1993: 30]):

(22) *Ну, снова лесу поставили, деяны вытащили, напилили, лесовозов наняли.*

Далее будут рассмотрены контексты с объектным родительным, нехарактерные для современного литературного языка. В материалах И. Б. Кузьминой зафиксированы примеры из новгородских говоров с РП при глаголе несовершенного вида: *воды греть* ТеребутицыSOLEЦК. Новг. (ОЛА); *походим дров пилить* Шарья Маловишерск. Новг.; *мальчик был взят вишенья рвать* Ямок Новгородск. Новг. (К); *раньше разных ткалите и на 12 нитченок* Заполек Маловишерск. Новг. [Кузьмина 1993: 31], РП временного пользования: *Я у вас возьму лесенки на часок* Ямок Новгородск. Новг.; *граблей взяла* Луково Любытинск. Новг. [Там же: 31–32] и РП исчисляемых существительных в форме ед. ч.: *очков-то трудно достать* Ямок Новгородск. Новг. (К); *избы хотела хорошей, большой* Теребутицы Шимск. Новг.; *мешка починить* Шилово Хвойнинск. Новг. [Там же: 33], также в материалах конца XIX — начала XX в.: *посадила тополя* Приход Улома Кирилловск. у. Новг. губ.; *он нашел боровика; я съел гриба; ён принёс василька* Спасо-Пископицы Новгородск. у. Новг.

губ.; *говорить* пусто; *белаво* нашел Терехова-Малахова Белозерск. у. Новг. губ. [Там же: 36].

В корпусе говоров Ильменского Поозерья обнаруживаются примеры генитива при глаголах несовершенного вида (23–25):

- (23) *Вот который зять-то помер у меня, он гораз ловил мне-ка рыбы-то. И наловит, и накопит, и насушит. (...) И вот он ловил гораз хорошую рыбу.*
- (24) *Я приду... План же, надо деньги... денег выполнять план, собирать с людей денег.*
- (25) *Тамотка служба была хорошая раньше, говорят, кто... старушки некоторые помнят этого.*

С РП временного пользования, когда объект дается, берется, испрашивается на время (26–27):

- (26) *Потом Витя приходит: «Дай, бабушка, мотоцикла».*
- (27) *А я говорю: «Ты спроси лучше — тогда машин не было — мотоцикла». Я говорю: «Иди у Вити мотоцикла спроси, я на бензин дам».*

Соответственно, появление родительного при отрицании в подобном контексте также можно объяснить не влиянием отрицания, а партитивно-стью семантики (временное ограничение действия):

- (28) *И пришёл он, Витя приходит, я говорю: «Чего ты Серёжке мотоцикла не дал?»*

Примеров генитива исчисляемых существительных не обнаружено, однако зафиксирован нехарактерный для литературного языка РП местоимения при ментальном глаголе:

- (29) *Милая моя, доживёшь восемьдесят седьмой год — всего придумашь... Всего, что есть, то всего придумашь.*

Отдельно следует рассматривать вариативность РП и ВП при глаголах *ждать*, *бояться*, *искать*, *хотеть* и др., которые исторически управляют РП. Далее они называются интенциональными в соответствии с работами [Никитина 2013; 2014; Падучева 2013: 145]. Проблема выбора РП и ВП при интенциональных глаголах требует рассмотрения в рамках конкретных лексем; в частности, выбор объекта при *ждать* обсуждается в контексте семантики глагола, противопоставления предметных и пропозитивных, личных и неличных имен (*ждать Маши* / *ждать встречи* / *ждать автобус/автобуса*), референциального статуса именной группы, модальности (ирреальная модальность соотносится с семантикой РП),

степени контролируемости, прогнозируемости ситуации, уверенности субъекта в том, что событие совершится (*ждать звонка / звонок, ждать грозы / грозу*) [Никитина 2014]. С точки зрения лингвогеографии можно предположить, что в более генитивных диалектных системах, где возможно *купить серпа*, будет более последовательно сохраняться генитив и при интенциональных глаголах. Далее наличие такого глагола рассматривается как «генитивный» фактор, который может обуславливать предпочтение РП при отрицании.

В корпусе Ильменского Поозерья отмечены контексты с предикатами *хотеть, хотеться, жалеть, пожалеть, просить, попросить, ждать, бояться*, которые при отсутствии партитивной семантики могут управлять как РП (примеры 30–35), так и ВП (36–39):

- (30) *У девчонок-то у всех чёрные, серые, а у нас всё белые. Мне так **хотелось серых валенок**.*
- (31) *Потом, говорит, сносили в лес, ходили — **конфет положат**. Потом мне сказали ребятишки другие, я плакать начала, что **я хочу конфетки лесной**.*
- (32) *Вот зимой-то нам было можно уехать. Матери **домов пожалели**.*
- (33) *Мужики-то хотят, чтоб дождя не было. А мы **дождя просим**.*
- (34) *Она **улучшения ждёт**.*
- (35) *Ведь аборт **же, греха боялись**, не делали. Мама же была верующая, она греха боялась.*
- (36) *Тата, я **хочу зеркало, большое, чтоб**, — я говорю, — мы платье надели, и чтоб все было видеть.*
- (37) *А почему дурак-то? — А надо было **жалеть жену**.*
- (38) *Я пока **повёрнулась туда-сюда, и он ведро попросил**: меня рвать будет.*
- (39) *А я Максиму, этому старшему вот, и говорю: «Максим, женишься — от тебя я **дочку жду**».*

В контекстах, где добавляется партитивная семантика, предпочитается РП:

- (40) *Я **хотел бы соку гранатового**.*
- (41) *Дак вы, наверное, **чайку хотите**.*
- (42) ***Рыбы-то хочется**. Я на удочку.*

Только аккумулятив возможен в неотрицательных дистантных конструкциях, где интенциональный глагол управляет инфинитивом (43–44):

- (43) *Ты **хочешь рыбак испечь**, да?*
- (44) *Ой, спасибо большое! Я **боюсь набрать лишний вес**.*

Зафиксированы в корпусе и некоторые другие, не объектные, генитивные конструкции, в частности сочетания с бытийным глаголом и субъектным родительным, которые регулярно представлены на территории севернорусских и западных среднерусских говоров [Кузьмина 1993: 112–120, ДАРЯ, вып. III, карта 4] (примеры 45–52):

- (45) *А мы-то, а нас-то вот папа... по-немецки он, и это. А и нас и привёзут, там закричат, бедняки жили... нечем они, в деревне там домиков плохих* [есть].
- (46) *Вот он вечером, ну там тоже сторожилов... там есть.*
- (47) *А у нас и... у нас грибов стало.... Всё заросло, и у нас тут грибы собирают ходят тоже. (ср. с ИП: Дак у нас тут не было. Это теперь стали грибы. Не было грибов).*
- (48) *Мы рыбу ей везли, и она, гляжу, привозит ковров. Я говорю: «Анна, ну куда ты привезла, у меня же их и та... это есть».*
- (49) *Лесу не было тогда, лесу нельзя было купить. Сейчас только деньги давай, материала всякого* [есть]. *Только деньги.*
- (50) *И женщин-то тогда уже вдов и всяких было оставши, но всё равно они приходили смотреть на нас.*
- (51) *И мне-то никак, у меня тоже гостей...*
- (52) *А иконы-то, у нас было икон-то...*

Приведу также пример так наз. генеративного употребления генитива (53). Термин *генератив* употребляется Г. А. Золотовой в отношении сочетаний с предлогом *из*, исторически восходящих к беспредложному РП, ср. в Новгородской летописи: *оубища мою(ж) проу(с) а кончан дру-гьи* ЛН, 90 об. — «убили одного мужа из прусов, а из кончан — другого» [Крысько 2006: 184–185]:

- (53) *И папа, мама туда комод поставила, и э шкаф по..., это, сундук поставила, и зарыли всё приданого-то.*

3.2. РП и ВП в отрицательных конструкциях

Всего с генитивом при отрицании зафиксировано 54 примера из 128, что составляет 42% всего материала.

3.2.1. Контексты с сильными генитивными факторами

48% всех примеров с РП содержат сильные генитивные факторы, ср. в более «аккузативном» (32% генитива) рязанском корпусе Михайлова процент контекстов с сильными генитивными факторами значительно выше — 67%.

1) Интенциональный глагол в вершине словосочетания: употребляется РП (пример 54) и ВП (55):

(54) *А ведь когда вот стала я сама себе ездить тоже косить косой, я тоже дождя не хотела. Также **не хотела дождя**.*

(55) *Ну вышивай. Я: «Мама, **я не хочу узоры твои**».*

2) Партитивная конструкция (глагол с партитивной семантикой + делимое существительное): употребляется РП (56), также ВП (57):

(56) *Из кислого, да. Но как: **дрожжей же не клали**, а закваску делали.*

(57) *А она **песок-то не принесла**, а, конфетки есть.*

В примерах, в которых сочетаются два фактора — партитивная конструкция и интенциональный глагол в вершине сочетания, предпочитается РП (58–60):

(58) *А **я конфет не хочу**, доченька. У меня все есть, у меня все есть, миленькая.*

(59) *Миленькая моя, **не жалей песку** — дак и будет хорошая.*

(60) *Работали мы, поднимали Россию. Мы **не спрашивали** (не просили) денег.*

3) Глагол *иметь* + абстрактное существительное (см. об этом: [Падучева 2013]): РП (61), также ВП (62):

(61) *А я не знаю, почему после войны переименовали. **Я не имею понятия**.*

(62) *А ведь у нас был и медпункт, он как жильё был выстроен, мы **не имели право** это строить.*

4) Устойчивые сочетания (ср.: [Падучева 2013: 136]): РП.

(63) *Теперь все привыкли: и отдыхать надо, и работать. Это раньше и работали, и **отдыху не знали**.*

(64) *Что в городе есть — ходят по дачам, что и тут — у кого что могут взять. Также **маху не дадут**, кто такой.*

(65) *А и **правды нигде не найдёшь**.*

5) Усиление отрицания (обзор литературы и разных точек зрения на влияние этого фактора при выборе формы объекта в современном русском литературном языке см.: [Мустайоки 1985: 49–53]). Ранее было установлено, что соотношение аккузатива и генитива в разных конструкциях с усилением отрицания может быть различным. Так, во фразеологизированных сочетаниях с частицей *ни* (*не дал ни копейки*) и при наличии местоимения *ничто* (*не сказал ничего интересного*) в рассмотренных ранее диалектных корпусах практически отсутствует вариативность и

предпочитается генитив [Малышева, Ронько 2020; Малышева 2021]. То же самое наблюдается в корпусе Ильменского Поозерья, см. пример с частицей *ни* (66), вариант этой конструкции с опущением *ни* (67), а также примеры с *ничего* (68–71):

Ни

- (66) *Вы б поглядели у ей чего нарощено, а рядом **ни грамма ничего не выращено**.*
- (67) *И вот, этого, я-то, я-то ведь, это, маленькая, хоть бы мне-то копейку дали, и ничего, **рубля я не получила** от государства.*

Ничто

- (68) ***Я ничего такого не рассказываю**, я только про себя рассказываю.*
- (69) ***Ничего** нам **ответу не сказали**. Что без вести пропал, вот и всё.*
- (70) *Приехали, я уже **этого ничего не помню**.*
- (71) *Что раньше готовила, то и сейчас я готовлю, **ничего я другого лишнего не готовлю**.*

В конструкциях с местоимением *никакой*, повторяющимся союзом *ни-ни* и сочетанием *ни один* соотношение аккузатива и генитива может зависеть от типа системы: в генитивных предпочитается РП, в аккузативных — ВП (см.: [Малышева 2021]). В говоре Ильменского Поозерья только РП отмечен в контекстах с сочетанием *ни один* (72–73), вариативность РП и ВП — в конструкциях с местоимением *никакой*: РП (74–75), ВП (76–77):

Ни один

- (72) *А от отца **ни одного письма не пришло**. Его как взяли — сразу под Ленинград.*
- (73) *Говорят, этые, белорусские партизаны **ни одного эшелона не пропускают**.*

Никакой

- (74) *Мы ходили с дояркой добиваться. Я сама лично была на приёме в доме советов. И что? И **никаких законов мы не нашли**. Всё правильно сделано, и всё в порядке.*
- (75) *Лен, да, лен сеяли. Сперва посеяли, наверное, года два-три. Потом этот лен **никакой прибыли не дал**.*
- (76) *И чего-то хотим мы, да **ничего** теперь нам **не возродить, никакую деревню**.*
- (77) *Так что, **никакой я не кончала**. Но среднее образование получила, что я училась заочно.*

6) Анафорическое местоимение в роли объекта. Многие исследователи отмечают, что местоимения имеют более высокий генитивный потенциал, чем имена существительные. Так, в корпусе письменных текстов 1950–1970-х гг. в контекстах с местоимением *это* при глаголе с отрицанием в 90% случаев выбирается РП [Mustajoki, Heino 1991: 166–169]. Материалы диалектных корпусов показали, что «аккузативность» или «генитивность» корпуса в целом оказывается релевантной и для этих сочетаний. Например, в аккузативном корпусе с. Пустоша [Пустоша] — 13% генитива анафорических местоимений, а в генитивных корпусах Северной Двины и Спиридоновой Буды — соответственно 56% и 85%.

В корпусе Ильменского Поозерья 60% контекстов с анафорическими местоимениями содержат формы генитива (РП — 12, ВП — 8). При ментальных глаголах *знать*, *помнить*, полисемантическом глаголе *делать* употребляется преимущественно РП (78–82), хотя возможен и ВП (83), при других глаголах — чаще ВП (84–86):

(78) *Не, у нас не вязали. Может они и вязали, я этого не помню.*

(79) *При мне такого не было, уже комбайны были, всё это так, да, и такого не знаю я.*

(80) *А теперь никто этого молодёжь не знает. И не учат этому ничего, я хочу сказать.*

(81) *А крахмал, я не знаю, у нас же такого не делали.*

(82) *Тридцать два года я хочу танцевать и гулять. А ты этого делать не можешь, только будешь в кровати лежать.*

(83) *Не знаю я такое.*

(84) *Мне дали коньки, и я ходила я вот так, как в фигурном катании, по озеру. И думала, это никто не видит.*

(85) *«У нас, — говорят, — целая деревня приходит, хоронить когда». Это вот у них не отнять.*

(86) *Я только да, вот такой там.... Я такой не люблю.*

3.2.2. Сильные аккузативные факторы. Дистантное отрицание

В уже упоминавшейся работе [Krasovitsky et al. 2011: 588] приведены данные, согласно которым генитив в конструкции с дистантным отрицанием в современной художественной литературе употребляется всего в 12% случаев. В корпусе Ильменского Поозерья доля РП в дистантной конструкции несколько выше: 5 примеров из 18 (28%), в том числе в сочетаниях с интенциональным глаголом (89) и анафорическим местоимением (89–91):

- (87) *Говорит: «**Не можешь** путного пиджака купить».*
 (88) *Ещё **досыта-то** и не хватало хлеба поесть.*
 (89) *Они, говорит, какую-то баланду дают, и мы **не хотим этого есть.***
 (90) *И в Ильмени есть, но я не знаю, живут ли там или не живут. **Этого я вам не могу сказать.***
 (91) *Тридцать два года я хочу танцевать и гулять. А ты **этого делать не можешь**, только будешь в кровати лежать.*
 В большинстве случаев употребляется ВП (92–95):
 (92) *Теперь никто **не хочет варенье есть.***
 (93) *Я тебе говорила **не трогать рыбу!***
 (94) *Человек **не мог ещё косу путём держать.***
 (95) *А еще тогда **не разрешали дома-то продавать.***

3.2.3. Нейтральные контексты

Среди контекстов без сильных генитивных и аккузативных факторов преобладает ВП (74%):

- (96) *Я говорю: «Ты подожди, **не пиши жалобу**, ты подведёшь эту, Яну».*
 (97) *Лучше б и **пенсию не добавляли** бы и цены бы так не крутили.*
 (98) *Раньше **не выкидывали шелуху** на задворок на помойку или куда-то такое.*
 (99) *Не знаю, доченька, я не хитрю, я проста, никого не обманывала, не крада, не пила я, **водку** никогда **не пила.***

Контексты с генитивом (100–103):

- (100) *Я уже **не застала молотьбы** этой.*
 (101) *Раньше я цветы сажала, а теперь не могу, надо... **Колодца не сделала.***
 (102) *Так вот за озеро ездили. Вот Чёрная, сейчас Лесная. Туда ездили. Было **косы не продёрнуть** — меня послали косить...*
 (103) *И я тоже нажарила рыбы с картошкой его угостила. Он говорит: «Вот так это еда. **Я такой еды не видел.**»*

4. Заключение

Немногочисленные примеры генитива в неотрицательных конструкциях, собранные к настоящему времени, не дают оснований причислить говор Ильменского Поозерья к системам, где активно используется объектный родительный падеж на месте винительного. В частности, в современных материалах не встретилось примеров с формой РП ед. конк-ретно-предметных существительных (типа *достать мешка*), которые

фиксируются, например, в севернорусских говорах. Однако имеющиеся в литературе сведения о наличии таких конструкций в прошлом, сохранение на современном этапе родительного временного пользования (*дай мотоцикла*), примеры с генитивом при глаголах несовершенного вида (*помнят этого*) все-таки позволяют говорить о более широком, чем в СРЛЯ, употреблении в этих говорах объектного генитива. Доля генитивных форм при отрицании достаточно высока, однако несколько ниже, чем в северных архангельских и юго-западнорусских корпусах. В поозерском корпусе генитивных форм почти половина (42%), из них 52% — без сильных генитивных факторов, среди контекстов с дистантным отрицанием также относительно высокий процент генитива — 28%. Все это позволяет отнести говор Ильменского Поозерья к промежуточному типу, близкому к генитивному.

Источники

- БДК — Манусов А. В., Кузьмина А. С., Ронько Р. В. Банк диалектологических карт. Электронный ресурс: <https://dm.ruslang.ru> (дата обращения 25.03.25).
- Веегора — Князев С. В. Корпус говора деревни Веегора. 2023. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/veegora> (дата обращения 23.04.2024).
- Верхняя Пинега — Князев С. В. Корпус говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи. 2021. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/vaduga/> (дата обращения 23.04.2024).
- Ильмень — Малышева А. В., Дьяченко С. В., Тер-Аванесова А. В. Корпус говоров Ильменского Поозерья. 2023. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/novgorod> (дата обращения 23.04.2024).
- Кеба — Князев С. В. Корпус говора села Кеба. 2022. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/keba> (дата обращения 23.04.2024).
- Лужниково — Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. Лужниковский корпус. 2021. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <https://lingconlab.ru/luzhnikovo/> (дата обращения 23.04.2024).
- Лух, Теза — Кувшинская Ю. М. Корпус говоров низовья рек Лух и Теза. 2020. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: lingconlab.ru/lukhteza/ (дата обращения 23.04.2024).

- Малинино — *Тер-Аванесова А. В., Балабин Ф. А., Дьяченко С. В., Малышева А. В., Панова А. Б., Морозова В. А.* Корпус говора села Малинино. 2019. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/malinino/> (дата обращения 23.04.2024).
- Мантурово — *Кувшинская Ю. М., Машиковцева П. Ю.* Корпус говора Мантуровского района Костромской области. 2021. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: lingconlab.ru/manturovo/ (дата обращения 23.04.2024).
- Михайлов — *Князев С. В.* Корпус говоров окрестностей Михайлова. 2024. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/mikhaylov> (дата обращения 23.04.2024).
- Нехочи — *Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Корпечкова А. В., Малышева А. В., Пекунова И. С., Толстая М. Н.* Корпус говора деревни Нехочи. 2020. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: lingconlab.ru/nekhochi/ (дата обращения 23.04.2024).
- Опочка — *Ронько Р. В., Вольф Е. А., Гребёнкина М. Ю., Ершова М. Ю., Охалкина А. В., Хадасевич А. С., Морозова В. А.* Корпус опочечких говоров. 2019. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: lingconlab.ru/orochka/ (дата обращения 23.04.2024).
- Поповка — *Князев С. В.* Корпус говора села Поповка. 2024. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <https://lingconlab.ru/popovka> (дата обращения 23.04.2024).
- Пустоша — *Крылов С. А., Тер-Аванесова А. В.* Электронные базы данных по русским народным говорам. Электронный ресурс: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?root=ruscorgora&encoding=utf-rus> (дата обращения 23.04.2024).
- Роговатка — *Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Колесникова А. В., Малышева А. В., Игнатенко Д. И., Панова А. Б., Добрушина Н. Р.* Корпус говора села Роговатка. 2018. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ). Электронный ресурс: lingconlab.ru/togovatka/ (дата обращения 23.04.2024).
- Свишни — *Князев С. В.* Корпус говора сёл Свишни и Тростное. 2024. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/yelets> (дата обращения 23.04.2024).
- Северная Двина — *Князев С. В.* Корпус говоров среднего течения Северной Двины. 2023. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/dvina> (дата обращения 23.04.2024).
- Спиридонова Буда — *Гардер М. О., Петрова Н. С., Мороз А. Б., Панова А. Б., Добрушина Н. Р.* Корпус говора с. Спиридонова Буда. 2018. М.: Международная

- лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <https://lingconlab.ru/SpiridonovaBuda> (дата обращения 23.04.2024).
- Средняя Пёза — *Князев С. В.* Корпус говора Средней Пёзы. 2022. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/pyoza> (дата обращения 23.04.2024).
- Средняя Пинега — *Князев С. В.* Корпус говоров Средней Пинеги. 2023. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/pinega> (дата обращения 23.04.2024).
- Устья — *Даниэль М., Добрушина Н., Валденфельс Р. фон.* Говор бассейна Устья. Корпус севернорусской диалектной речи. 2018. Берн; Москва. Электронный ресурс: <http://www.parasolcorpus.org/Pushkino> (дата обращения 23.04.2025).
- Хиславичи — *Рыко А. И., Спиричева М. В.* Корпус Хиславичского района Смоленской области. 2020. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/khislavichi> (дата обращения 23.04.2024).
- Церковное — *Князев С. В.* Корпус говора села Церковное. 2022. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/tserkovnoe> (дата обращения 23.04.2024).
- Шетнево — *Ронько Р. В., Азанова А. С., Бутенко З. А., Замбржицкая М. С., Марченко И. А., Мочульский Д. И., Цейтина Е. И., Волошина Е. Ю.* Корпус деревень Шетнево и Макеево. 2022. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: lingconlab.ru/shetnevo/ (дата обращения 23.04.2024).

Литература

- Аркадьев 2017 — *П. М. Аркадьев.* Объектный партитив отрицания: ареально-типологическая перспектива // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 194–243.
- АУМ, 1 — Атлас української мови / гол. ред. І. Г. Матвіяс. Київ, 1984. Т. 1.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / рэд. Р. І. Аванесаў. Мінск, 1963.
- ДАБМ-к — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы. Даведачныя матэрыялы, каментары да карт / рэд. Р. І. Аванесаў. Мінск, 1963.
- ДАРЯ, вып. III — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР: В 3-х вып. Вып. III (часть 2): Синтаксис. Лексика. М., 2004.
- Гецова 1997 — *О. Г. Гецова.* Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // *Вопросы русского языкознания*. Вып. VII: Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 138–197.
- Ицкович 1982 — *В. А. Ицкович.* Очерки синтаксической нормы. М., 1982.
- Захарова, Орлова 1970 — *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.

- Крысько 2006 — В. Б. *Крысько*. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 2006. 2-е изд.
- Кузнецова 1960 — А. М. *Кузнецова*. К вопросу о глагольной переходности и значении так называемого родительного разделительного // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Статьи и исследования по русскому языку. М., 1960. Т. 158. С. 175–192.
- Кузьмина 1993 — И. Б. *Кузьмина*. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.
- Лопатина 1998 — Л. Е. *Лопатина*. Родительный падеж в функции прямого объекта // Восточнославянские изоглоссы. М., 1998. Вып. 2. С. 234–244.
- Малышева 2018 — А. В. *Малышева*. Генитивное маркирование количественных показателей глагола в севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018. СПб., 2018. С. 269–284.
- Малышева, Ронько 2020 — А. В. *Малышева*, Р. В. *Ронько*. Русский объектный генитив при отрицании по данным диалектных корпусов и устного корпуса НКРЯ // Вопросы языкознания. 2020. № 4. С. 25–54.
- Малышева 2021 — А. В. *Малышева*. Аккузатив и генитив при глаголе с отрицанием в русских говорах: новые данные электронных корпусов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2021. Вып. II: Диалектология. С. 96–108.
- Маркова 2008 — Н. В. *Маркова*. Глагольные конструкции с родительным падежом объекта и субъекта в онежских говорах // Севернорусские говоры. СПб., 2008. Вып. 9. С. 146–155.
- Мустайоки 1985 — А. *Мустайоки*. Падеж дополнения при отрицании в русском языке: поиски новых методологических приемов в изучении старой проблемы. Helsinki, 1985 (Slavica Helsingiensia. Vol. 2).
- Никитина 2013 — Е. Н. *Никитина*. О винительном падеже при «модально-эмоциональных» глаголах (*бояться*) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 5. С. 60–70.
- Никитина 2014 — Е. Н. *Никитина*. О винительном падеже при глаголе *ждать* // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 5. С. 135–144.
- Падучева 2013 — Е. В. *Падучева*. Русское отрицательное предложение. М., 2013.
- Расторгуев 1927 — П. А. *Расторгуев*. Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927.
- Расторгуев 1960 — П. А. *Расторгуев*. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.
- Рахилина 2008 — Объектный генитив при отрицании в русском языке / ред. Е. В. Рахилина. М., 2008.
- Томсон 1902 — А. И. *Томсон*. Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке. Варшава, 1902.
- Krasovitsky et al. 2011 — А. *Krasovitsky*, M. *Baerman*, D. *Brown*, G. G. *Corbett*. Changing semantic factors in case selection: Russian evidence from the last two centuries // Morphology. 2011. Vol. 21. N 2. P. 573–592.
- Seržant 2014 — I. A. *Seržant*. The independent partitive genitive in North Russian // Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars. Bergen, 2014 (Slavica Bergensia, 13). P. 270–329.

- Mustajoki, Heino 1991 — *A. Mustajoki, H. Heino*. Case selection for the direct object in Russian negative clauses. Part II: Report on a statistical analysis. Helsinki, 1991.
- Partee, Borschev 2004 — *B. Partee, V. Borschev*. The semantics of Russian genitive of negation: The nature and role of perspectival structure. // *Proc. of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 14*. Ithaca (NY), 2004. P. 212–234.
- van Helden 2008 — *W. A. van Helden*. Vicissitudes of the genitive rule // *Dutch Contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 10–16, 2008*. Amsterdam, 2008. P. 145–216.

Summary

Anna Malysheva

The Genitive of Negation in the Ilmen Lake Dialect

The article analyzes the differential object marking in Northwestern Russian dialect of the Ilmen Lake (Novgorod region). The general statistics of the genitive and accusative of negation in a number of dialect text corpora reveals the preference of the genitive in the northern and some southwestern Russian dialects. The use of the genitive and accusative in constructions without negation and with negation is illustrated on the basis of data from the Ilmen Lake Dialect Corpus.

Keywords: Northwestern Russian dialects, genitive, accusative, negation, differential marking of arguments